

Сегодня — Международный день театра

ПОД СВЕТОМ РАМПЫ

ПОРТРЕТЫ МАСТЕРОВ ИСКУССТВ

Имя народного артиста РСФСР, профессора, главного режиссера Новосибирского академического Большого театра Сибири Ваагн Баградуни известно любителям театрального искусства Армении по многочисленным спектаклям, поставленным им на сцене Ереванского академического театра оперы и балета им. Спендиарова. Начиная с дебюта — [опера «Царская невеста»], В. Баградуни поставил здесь 13 спектаклей, в том числе такие, как «Риголетто» и «Дон Карлос» Дж. Верди, «Севильский цирюльник» Дж. Россини. Впервые им были поставлены произведения армянских композиторов А. Тертеряна «Огненное кольцо», Г. Арменяна «Крушение», Э. Арутюняна «Капля меда». В. Баградуни выпала честь поставить жемчужину нашего оперного искусства «Алмаст» А. Спендиарова. И вот новая встреча с режиссером. И снова спектакль «Алмаст», — на этот раз посвященный 50-летию Ереванского театра оперы и балета. Именно с разговора об «Алмасте» и началась наша беседа.

— Когда мне предложили поставить на сцене Ереванского театра оперы и балета спектакль по выбору, я остановился на «Алмасте». И не случайно. Я считал себя в долгу перед любителями оперного искусства Армении как постановщик «Алмаста» 1968 года. Тогда постановка эта меня не очень удовлетворила. Возможно, здесь сыграло свою роль отсутствие в труппе певицы, способной представить столь сложный образ, возможно, сказался мой недостаточный опыт. Для этой оперы надо созреть не только как постановщику, но и как гражданину. Ведь это глубокое философское, полифоническое произведение. Мешало также то обстоятельство, что до этого уже был создан прекрасный «Алмаст» с таким созданием имен как Мартирос Сарьян, Вардан Аджемян и Татевик Сазадарян. Но я рискнул. И хотя спектакль имел успех, меня, как я уже сказал, он не очень удовлетворил. Начиная с конца того спектакля, который увидел свет рампы Большого театра, во мне как-то подспудно зрел замысел новой постановки.

— Вы говорили о трудностях постановки «Алмаста». Как вы их преодолевали в новой работе и вообще каков новый спектакль «Алмаст» глазами режиссера!

— На протяжении многих лет постановщики по разным причинам пользовались лишь одной, к тому же, мягко говоря, не совсем удачной редакцией оперы. Она меня не устраивала, потому что коренным образом отличалась от первоисточника и меняла психологический настрой произведения. Легенда теряла свою философскую концепцию, да и историческое начало, к которому тяготеет редакция, а действительности далеко от истории. Попытки превратить легенду в историческое произведение — вот в чем надо видеть недоработки целого ряда постановок. В легенде столько современного, столько жизненного, что ее можно перевести на сегодняшний день. Тема патриотизма извечна. Жемчужина Спендиарова требовала сценического воплощения в чистом виде народного композитора. И теперь, ког-

да спектакль прошел с успехом, я рад, что партитура прозвучала без единого сокращения.

Думается, что немалая роль в успехе «Алмаста» принадлежит актрисе О. Габаян. Мы когда-то вместе работали (вспомним ее исполнение роли Любаши в «Царской невесте» Н. Римского-Корсакова и принцессы Эболи в «Дон Карлосе» Дж. Верди). У нас было большое творческое взаимопонимание несмотря на то, что работа потребовала огромного актерского труда, самопожертвования.

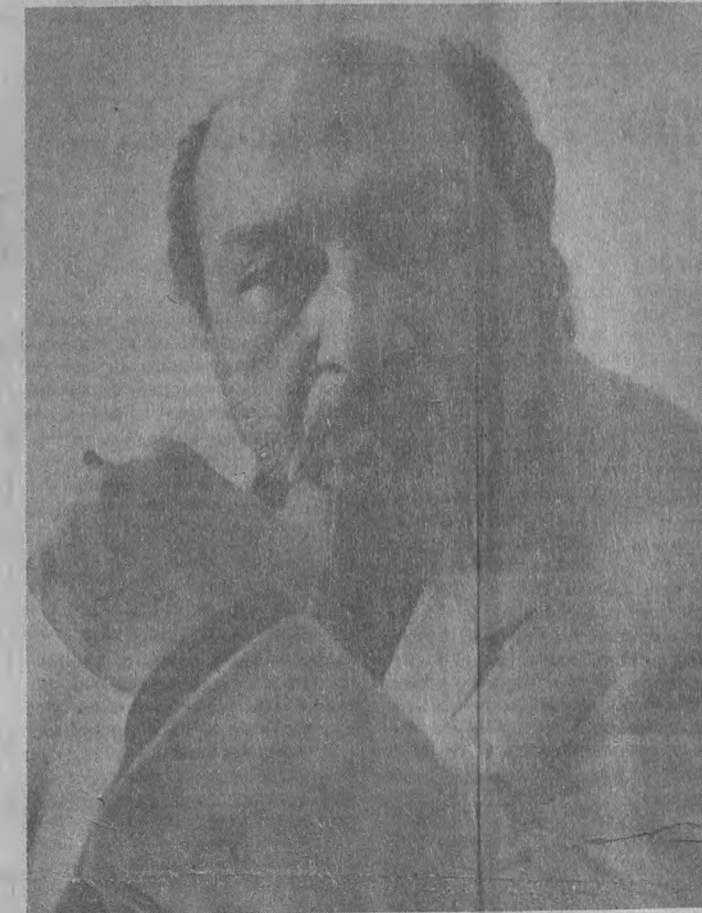
В творческом содружестве с балетмейстером В. Галстяном нам удалось найти пластично-полифоническое решение спектакля. Особенно, думаю, удался знаменитый «Персидский марш». Нам, как это ни парадоксально, удалось укрупнить фигуру князя Татула. Чем злее и могучее персидский стан, тем рельефнее представляется героизм и любовь к родине Татула.

В постановке 1939 года как бы слились две выдающиеся личности: Сарьян и Спендиаров. Как будто живопись Сарьяна и музыка Спендиарова были рождены друг для друга. Обойтись без влияния Сарьяна было трудно. И только ценой большой совместной работы с художником Саркисом Арутюняном, полуторгодиничные поиски конструктивного, а не живописного спектакля были тем ключом, который открыл путь к постановке. На мой взгляд, пластическое выражение спектакля идентично легенде, фрескам — это был принципиальный поиск. Об «Алмасте» можно говорить еще много. Не знаю, как-то так получилось, что с «Алмастом» я связан всю жизнь.

— Из ваших слов следует ли понимать, что вы с детства были связаны с оперным театром?

— И не только с оперным. Я родился в семье, где вся атмосфера была наполнена музыкой, театром. Мой дед был певцом, учился у знаменитого итальянского певца Лодзи, родители — заслуженные артисты республики. Мама — солистка театра оперы и балета, отец — драматический актер. Учился в музыкальной школе им. Чайковского. В 13 лет я уже выходил на сцену в качестве статиста. Я глотнул пыль сцены, был навсегда заражен всей неповторимой атмосферой театра. Дальше, разумеется, театральный институт, так как музыкальное образование у меня уже было до того. Потом пробовал свои силы в музыкальном театре, случайно оказался в Москве, узнал, что идет набор во вновь открытую группу оперных режиссеров в ГИТИСе и поступил туда. По окончании — Саратов, первая самостоятельная постановка — «Даиси» З. Палиашивили и сразу же — назначение режиссером. Затем постановки в Ереване, и теперь вот уже десять лет я работаю в Новосибирске.

— Коль речь зашла о Ново-

сибирске, расскажите, пожалуйста, подробнее об этом периоде вашей работы.

— Новосибирск известен своими театральными традициями. Здесь семь театров, кроме того, знаменитый академический симфонический оркестр под руководством профессора А. Каца. Традиции театрального Новосибирска заложили МХАТ, С. Образцов, И. Мравинский, эвакуированные сюда в годы войны. В Новосибирске похоронен выдающийся советский музыковед И. Соллертинский. Много известных артистов дал Новосибирский театр оперы и балета. Из этого театра вышли многие певцы-солисты Большого театра, балетная труппа побывала в 17 странах от Австралии до Южной Америки, здесь пять лауреатов международных конкурсов. Новосибирский театр один из немногих в стране, где идут оба балета Хачатуряна. Вместе со мной художественное руководство театром осуществляет известный советский дирижер, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Исидор Зак, с которым вот уже десять лет мы строим репертуарную политику театра. За эти годы нашему коллективу выпала честь дважды отчитываться в Москве с самым разнообразным репертуаром.

За последние годы наш театр посетили такие зарубежные мастера, как балетмейстер Гранд-опера Пьер-Лякот, который поставил у нас балет «Сельфиды». Мы с Исидором Аркадьевичем осуществили впервые в СССР постановку оперы современно-

го французского композитора Э. Бондевиля «Госпожа Бовари». Дважды по Центральному телевидению была показана наша работа — опера Т. Хренникова «В бурю».

Кроме постановки произведений мировой оперной классики, таких как «Фиделио» Бетховена, «Орлеанская дева» и «Чародейка» П. Чайковского, я пробую силы в жанре драмы, поставив незаслуженно забытую пьесу К. Гольдони «Кнедзинские переделки» и пьесу Э. Воллодарского «Самая счастливая». Кроме того, в театре оперетты мною поставлена «Летучая мышь» Штрауса. Наконец, самая последняя работа — это постановка оперы новосибирского композитора Г. Иванова «Необычайное происшествие, или «Ревизор».

— Список произведений, воплощенных вами, Ваагн Вагевич, на сцене действительно внушительный. Это позволяет задать вам вопрос: каков должен быть, на ваш взгляд, оперный режиссер, каковы ваши требования к этой профессии?

— Оперный режиссер не только должен обладать умением слушать музыку, не только должен знать партитуру, а он, первым делом, обязан видеть музыку в действии. Это самое главное. Театральному режиссеру всех направлений необходимо иметь фантазию, безжалостно отсекающую тот ненужный мрамор, который мешает довести изваяние до совершенства. В музыкальном театре также очень и очень важно умение режиссера быть соавтором композитора. Если это случилось, значит, спектакль

получится. Автор-музыкант мыслит действенностью музыки. Но музыка порой бывает статична, значит, режиссеру надо не только идти за автором, но и мыслить монументальными пластиками. Очень важно, коль берешься воплощать творение композитора, какого бы ранга он ни был, взорить ему, ибо музыка первична, все остальное вторично.

И еще такая проблема как взаимоотношения между режиссером и дирижером. На мой взгляд, это два берега одной реки. Друг без друга эти два начала ничего не стоят. Кто из этих личностей окажется талантливее, тот и станет творцом спектакля. Когда после премьеры начинаются обсуждения, что получилось, а что нет, то публика уже по конечному результату сделает выводы. Особенно сегодняшний зритель. Информацию он имеет обширную — телевидение, грамзаписи отличных исполнителей, фильмы-оперы.

Слово «опера» дословно переводится как труд, и этот труд должен быть направлен, не считаясь ни с какими жертвами и самопожертвованием, на воспитание нового поколения любителей оперного искусства. Это поистине трудная задача.

— Вы так горячо говорили о своей профессии, что сама по себе приходит мысль, что у вас множество задумок. Поделитесь, пожалуйста, творческими планами.

— Я рад, что последняя моя работа «Необычайное происшествие, или «Ревизор» даст свои ростки. Получено несколько приглашений на постановку этой оперы и, думаю, мне не надо отказываться — такая работа меня очень волнует. Это злостный спектакль. Я считаю, что в данном случае театр — кафедра, с которой ведется бой с бобчинскими и добчинскими, которые, видоизменившись, все еще, к сожалению, встречаются в жизни. В конце этого года свет рамп нашего театра увидит монументальное классическое полотно М. Мусоргского «Хованщина».

Я поддерживаю тесные контакты с Ереванской консерваторией, с которой также связана моя творческая жизнь. Недавно здесь была открыта оперная студия. Вместе с народным артистом республики Рафаэлом Мангасаряном мы осуществили первые постановки. Это «Так поступают все женщины» Моцарта и «Сельская честь» П. Маскани, сейчас работаем над «Травиатой» Дж. Верди. Хочется верить, что в Армении в скором времени родится молодежный оперный театр.

Каждый режиссер мечтает поставить оперу Р. Вагнера. И мне повезло — получил приглашение воссоздать «Риенци» во вновь организованном Красноярском театре оперы и балета. Планов много — как они будут осуществлены, покажет время.

Беседу вел С. СЕЙРАНЯН.